

Трансформация российской стратегической культуры

Влияние локальных конфликтов и глобального противостояния



Павел БАЕВ

Июнь 2020

Французский Институт Международных Отношений (Ифри) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901 г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

*Данная статья опубликована в рамках проекта
«Обсерватория России, Южного Кавказа и Восточной Европы» при поддержке
Генеральной Дирекции по Международным Делах и Стратегии (DGRIS)
Министерства Армий Франции.*

ISBN: 979-10-373-0189-5

© Все права защищены, Ifri, 2020

Обложка: © Kremlin.ru

Прочитать публикацию:

Павел Баев, «Трансформация российской стратегической культуры:
влияние локальных конфликтов и глобального противостояния»,
Russie.Nei.Visions, № 118, Ифри, июнь 2020.

Ifri

27 rue de la Procession 75740 Paris Cedex 15 – FRANCE

Tél. : +33 (0)1 40 61 60 00 – Fax : +33 (0)1 40 61 60 60

E-mail : accueil@ifri.org

Веб-сайт: ifri.org

Об авторе

Павел Баев – доктор наук, профессор и ведущий научный сотрудник Международного института исследований проблем мира (PRIO) в Осло (Норвегия). Он также является ассоциированным исследователем в Брукингском институте (Вашингтон, США) и в Ифри (Париж). Закончив в 1979 году Московский государственный университет по специальности политическая география, он занимался исследовательской деятельностью в НИИ при Министерстве обороны СССР, защитил в 1988 году диссертацию по международным отношениям в Институте США и Канады Академии наук СССР, а затем работал в Институте Европы (Москва).

С октября 1992 года работает в PRIO, где с 1995 по 2001 год занимал должность редактора ежеквартального издания Security Dialogue, а с 1994 по 2004 являлся членом правления института. Он также является членом международной сети учёных PONARS, базирующейся в университете Джорджа Вашингтона. Круг его профессиональных интересов включает вопросы энергетики и безопасности в российско-европейских отношениях, российско-китайские отношения, политику России в Арктике, военную реформу в России, управление конфликтами постсоветского периода на Кавказе и в Большой Прикаспийской зоне. Он является автором еженедельной колонки в Eurasia Daily Monitor Фонда Jamestown.

Краткое содержание

Несмотря на консолидацию российского правящего режима, превращающегося в более жёсткую автократию со всё более консервативным мировоззрением, российская стратегическая культура претерпевает быстрые изменения. Явная склонность российского руководства к прославлению прошлого и подчёркиванию побед неизбежно приводит к искажению содержания усвоенного опыта и снижает способность учиться на ошибках. Этот агрессивный консерватизм гармонирует с трактовкой нового противостояния с Западом как возвращения к схемам отношений, существовавшим в период холодной войны, несмотря на очевидные существенные различия географических и силовых параметров конфликта. В то же время опыт реального участия в военных действиях и быстро развивающиеся технологии вызывают и направляют изменения в стратегической культуре, характер которой становится более изменчивым по сравнению с тем, к чему привыкли российские политические и военные элиты.

Вооружённые силы напрямую сталкиваются с вызовами, связанными с непривычными условиями ведения боя и беспрецедентными угрозами, поэтому высшее командование, несмотря на свою твёрдую приверженность консервативным взглядам и ценностям, вынуждено действовать как новатор и реформатор стратегической культуры. Вклад Генерального штаба и других структур военного командования, в состав которых теперь входят множество офицеров, имеющих непосредственный опыт участия в различных вооружённых конфликтах и военных операциях, в частности, в сирийской кампании, оказался более продуктивным в таких новых сферах как кибероперации, чем в более чувствительных в политическом отношении вопросах, касающихся, например, угрозы революций. Трудность трансформации стратегической культуры по инициативе военной элиты заключается в явно обозначенной и чётко сформулированной настоятельной необходимости увеличения объёма ресурсов, выделяемых на укрепление вооружённых сил. В ситуации затянувшейся экономической стагнации этот запрос создаёт особенно высокий уровень противоречия между стремлением оказать сопротивление и даже одержать победу в противостоянии с Западом и реальностью сокращающегося ассигнования ресурсов, усугубляющегося безудержной коррупцией.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	5
НОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ НЕСООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ АМБИЦИЯМИ И ВОЗМОЖНОСТЯМИ	8
Неоднозначный эффект ядерного переоснащения	8
Расширение киберпространства	10
Неслучившийся поворот к Китаю	12
Культура коррупции	14
ВОЕННЫЕ ХРАНИТЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТАНОВЯТСЯ ЕЁ РЕФОРМАТОРАМИ	17
Необычайное единство высшего командования	17
Провал украинской операции	19
Влияние сирийской кампании	21
Особый случай военно-морского флота	23
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	25

Введение

В середине прошлого десятилетия России трижды удавалось заставить Запад врасплох на высшем стратегическом уровне. Речь идёт об операции десантных и специальных сил, приведшей к аннексии Крыма, военно-воздушной интервенции в сирийской войне и попытках комплексного кибервмешательства в президентские выборы в США. К концу десятилетия поведение России стало более осторожным, что не лишило её возможности преподносить различного рода сюрпризы. Например, ей удалось отразить попытки США не допустить сделку по поставке Турции зенитно-ракетных комплексов С-400 и не пойти на компромисс для спасения Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД). Поскольку способность России преподносить стратегические сюрпризы не снижается, нет никакой гарантии, что в новом десятилетии она продолжит придерживаться умеренного курса. Поэтому Западу необходимо найти более эффективный способ реагирования, чем простой набор контрмер, выработанных *ad hoc*, тем более, что следующий шаг России практически невозможно предсказать по той причине, что поведение зрелого авторитарного режима, борющегося за выживание в условиях затянувшейся экономической стагнации и роста недовольства населения, может быть хаотичным и склонным к чрезмерной реакции на случайные и даже мнимые вызовы.

Одним из способов подготовки к внезапным поворотам в поведении России может стать исследование происходящей в настоящий момент трансформации её стратегической культуры, следуя традиции, заложенной Джеком Снайдером в начале своей академической карьеры и продолженной выдающимся мыслителем в геополитической сфере Колином Греем¹, обратившимся, в первую очередь, к политике балансирования на грани ядерной войны, практиковавшейся СССР в 1970-х годах, а также после окончания холодной войны. Аластер Иэн Джонсон и Джеффри Лантис, среди прочих, предложили интересные разработки концепции

Переведено с французского Наталей Киселевой-Туле.

1. *Snyder J.* The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations // RAND Report. R-2154-AF. 1977. С. 40. *Gray C. S.* Strategic Culture as Context // Review of International Studies. Январь 1999. Сс. 49-69.

стратегической культуры² как нематериальном по своей природе и с необходимостью неоднозначном феномене, общие определения которого могут быть лишь неудовлетворительно широкими, поскольку они стремятся охватить всю совокупность верований, привычек, характерных признаков и т.д., лежащих в основе принятия стратегических решений конкретным субъектом. Данный анализ не стремится дать более приемлемое определение этому понятию, но стремится выделить несколько ключевых особенностей российской стратегической культуры.

Многовековой богатый и разнообразный опыт создания и проецирования военной мощи представляет «базу данных» для современных представлений российской элиты о клаузевицкой сфере использования военной силы как инструмента политики. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что российская стратегическая культура существенно отличается от других, в том числе китайской, находящейся под влиянием коммунистической идеологии и советской модели³. Выраженная склонность российского руководства прославлять прошлое и подчёркивать победы неизбежно искажает содержание усвоенного опыта и снижает способность учиться на ошибках. Озабоченность сохранением достигнутого Советским Союзом статуса «великой державы» делает российскую стратегическую культуру консервативной по своей природе, и президент Владимир Путин, обрушиваясь с нападками на либерализм, полностью следует этой консервативной тенденции⁴. Этот агрессивный консерватизм гармонирует с трактовкой нового противостояния с Западом как возвращения к схемам отношений, существовавшим в период холодной войны, несмотря на очевидные существенные различия географических и силовых параметров конфликта. В то же время опыт реального участия в военных действиях и быстро развивающиеся технологии вызывают и направляют изменения в стратегической культуре, характер которой становится более изменчивым по сравнению с тем, к чему привыкли российские политические и военные элиты. Вооружённые силы

2. Johnston A. I. Thinking About Strategic Culture // International Security. Весна 1995. Сс. 32-64. Lantis J. S. Strategic Culture and National Security Policy // International Studies Review. Осень 2002. Сс. 87-113.

3. Интересное исследование этого вопроса представлено в: Ford C. A. Realpolitik with Chinese Characteristics: Chinese Strategic Culture and the Modern Communist Party-State // Strategic Asia 2016-17: Understanding Strategic Cultures. Washington DC: National Bureau of Asian Research. 2017. Сс. 29-62.

4. Резкая критика этого подхода представлена в: Moore C. To Prove Putin Wrong, Liberalism Needs to Rediscover Its Conservative Roots // The Telegraph. 12 июля 2019. www.telegraph.co.uk.

напрямую сталкиваются с вызовами, связанными с непривычными условиями ведения боя и беспрецедентными угрозами, поэтому высшее командование, несмотря на свою твёрдую приверженность консервативным взглядам и ценностям, вынуждено действовать как новатор и реформатор стратегической культуры.

Этот анализ не может претендовать на изучение всей глубины и масштаба российской стратегической культуры. В нём рассматриваются лишь некоторые недавние изменения её характеристик. Одной из движущих сил этих изменений служит растущее несоответствие между высокими амбициями и ограниченными возможностями, другой – сильное влияние со стороны военного руководства, выступающего одновременно в роли хранителя и реформатора стратегической культуры.

Новые параметры несоответствия между амбициями и возможностями

Разрыв между высокими политическими амбициями и ограниченными военными возможностями, безусловно, не нов в эволюции российской стратегической культуры. В новейшей истории это расхождение дважды приобретало катастрофический характер, способствуя развалу Российской империи в заключительной стадии первой мировой войны и распаду Советского Союза в конце холодной войны. В настоящее время это несоответствие не выглядит особенно впечатляющим, однако использование ядерного оружия в качестве инструмента политики, эксплуатация новой кибернетической сферы и развитие стратегического партнёрства с Китаем, а также пагубное влияние коррупции придают ему новое качество, связанное с расхождением между целями и средствами.

Неоднозначный эффект ядерного переоснащения

Притязание России на статус «великой державы» в предполагаемом жёстко конкурентном многополярном мире, по большому счёту, может быть подкреплено только одним качеством – обладанием крупнейшим арсеналом ядерного оружия. Модернизация стратегических вооружений уже была определена в качестве приоритетного направления Государственной программы вооружения (ГПВ) до 2020 года, утверждённой в 2011 году. В 2018 году президент Путин подтвердил этот приоритет, представив Федеральному собранию комплекс новых систем вооружения, включённых в ГПВ до 2027 года, утверждённую с опозданием в декабре 2017 года⁵. Хотя эта демонстрация силы и получила широкий резонанс в средствах массовой информации, Кремлю ещё только

5. С углублённым анализом этого приоритета автором можно ознакомиться в: *Баев П. К. Ядерная модернизация России и «чудо-ракеты» Путина: мифы и реальность // Russie.Nei.Visions. № 115. Ifri. Август 2019.*

предстоит решить проблему превращения виртуального оружия (лишь некоторые из представленных систем действительно поступили на вооружение, а большинство, вероятно, никогда не будут реализованы), регулярно рекламируемого в пропагандистских целях, в эффективный внешнеполитический ресурс.

Одним из негативных последствий подобного наращивания сил стало разрушение традиционной системы контроля над вооружениями, вызванное заявлением президента США Дональда Трампа о намерении выйти из Договора о РСМД. В качестве причины такого решения были названы технические детали нарушения Россией запрета на развёртывание ракет наземного базирования, но более важное значение имеет несоответствие положений Договора о РСМД контексту, изменившемуся в связи с появлением новых российских систем вооружения. По этой же причине с точки зрения США не имеет большого смысла и продление Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ, 2011 г.), срок действия которого истекает в феврале 2021 года, поэтому российско-американские переговоры по вопросам стратегической стабильности в Женеве не принесли больших результатов. Если договорённости о контроле над вооружениями раньше позволяли России пользоваться большим авторитетом, поскольку официально закрепляли её паритет с США, то теперь она вынуждена компенсировать потерю этого статуса, экспериментируя с новыми способами демонстрации своей готовности использовать ядерные средства в смутных политических целях⁶. Китай не одобряет разрушение договоров о контроле над вооружениями, но категорически отказывается участвовать в любых переговорах по разоружению, продолжая при этом инвестировать значительные средства в модернизацию собственного ядерного арсенала, и допускает лишь символическое участие России, например, в разработке своих систем раннего предупреждения⁷.

Активное распространение политического дискурса о ядерном оружии создаёт напряжённость в российской стратегической культуре, в которой ядерная проблематика в прошлом была отделена от основной тематики и заперта в эзотерических отделах, загруженных сверхсекретными досье, посвящёнными сдерживанию, дипломатии и технологиям. Поскольку основные принципы сдерживания остаются недостаточно разработанными, тема

6. См. *Arbatov A. Mad Momentum Redux? The Rise and Fall of Nuclear Arms Control // Survival*. Июнь-Июль 2019. Сс. 7-38.

7. Путин объявил об этом участии как о крупном достижении в модернизации партнёрства. См. *Gressel G. The Authoritarian Entente: Sino-Russian Security Cooperation // Commentary*. European Council on Foreign Relations. 17 октября 2019. www.ecfr.eu.

возмездия за ядерный удар выглядит шаблонно, в то время как расплывчатые идеи об упреждающем применении ядерного оружия не вызывают доверия. Даже среди высшего командования и его окружения многие не владеют ядерной проблематикой и склонны рассматривать приоритет, отдаваемый ядерной модернизации, как ущемление их собственных законных интересов. Военные не готовятся к ядерным операциям; высшее командование гораздо больше заинтересовано в наращивании потенциала обычного сдерживания, чем в занимательных предложениях вроде «эскалации для деэскалации»⁸.

Развивающееся одновременно в разных направлениях в российской стратегической культуре молчаливое сопротивление ядерному переоснащению может ослабеть при условии сохранения сильного политического запроса на большую опору на ядерные инструменты. Однако предпочтение неядерных средств для достижения реалистичных целей может быть подкреплено необходимостью военных ответов на прямые вызовы безопасности России, где ядерные средства, со всей очевидностью, не приносят никакой пользы.

Расширение киберпространства

В российской стратегической культуре быстроразвивающееся кибернетическое измерение резко контрастирует с более традиционным ядерным измерением. Что касается последнего, Россия обладает огромным арсеналом и инвестирует значительные средства в его модернизацию, пытаясь при этом извлечь из него политические выгоды. В отношении первого её позиция прямо противоположна. Россия не может претендовать на статус «великой кибердержавы» по причине её отставания в производстве оборудования и программного обеспечения в динамичной и прибыльной индустрии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Тем не менее, готовность России использовать доступные ей кибернетические возможности для наступательных операций и идти на большие риски, нарушая нормы приемлемого поведения в слабо регулируемом киберпространстве международных отношений, сделала её одним из основных источников угрозы для Европейского Союза (ЕС) и США.

8. Это сомнительное предложение тщательно изучается американскими экспертами, но едва присутствует в российском дискурсе. См. *Ryan K. Is «Escalate to Deescalate» Part of Russia's Nuclear Toolbox?* // *Russia Matters*. Harvard Kennedy School. 8 января 2020. www.russiamatters.org.

Характерно, что именно военная разведка (ГРУ), подчинённая Генеральному штабу, наиболее активно участвовала в резонансных операциях – от вмешательства в президентские выборы в США в 2016 году до попыток атаковать Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО⁹). Безрассудство атаки на могущественных противников выходит за рамки экспериментирования с новыми формами ведения войны, схему которого разрабатывает и внедряет верховное командование в качестве новой ключевой характеристики стратегической культуры. Вполне вероятно, что подобный «кураж» поощряется и облегчается неграмотностью, подкрепляемой упорным нежеланием президента Путина лично ознакомиться с современными технологиями и социальными сетями¹⁰. Это поразительное непонимание всей сложности киберпространства главным лицом, ответственным за принятие решений, делает до смешного неэффективными настойчивые усилия по установлению контроля над российским сегментом интернета¹¹. Вполне возможно также, что Генеральному штабу во многом не хватает современных знаний в области кибернетической войны и что он предоставляет ГРУ карт-бланш на привлечение хакеров, будучи при этом не в состоянии оценить риски, вызываемые их действиями¹².

Эти эксперименты проводятся параллельно с агрессивной экспансией пропаганды, которая порождает беспрецедентный объём фейковых новостей и дезинформации и очерчивает формы информационной войны, которую Россия считает себя способной вести против Запада. На высших уровнях политического управления этой войной, желание нанести удар по предполагаемым уязвимым местам западных институтов и обществ сочетается со стремлением установить жёсткий контроль над российским информационным пространством. Однако реализации первого из них всё больше противостоят усилия по созданию системы кибернетического сдерживания, предпринимаемые различными европейскими и

9. Reckless Campaign of Cyber Attacks by Russian Military Intelligence Service Exposed. UK National Cyber Security Center. 3 октября 2018. www.ncsc.gov.uk.

10. Предписание Путина о замене Википедии официально одобренной энциклопедией стало очередным свидетельством непонимания им функционирования интернета. См. интервью с А. Козлюком: «Будут наказывать пользователей за посещение запрещённых сайтов» // Znak.ru. 8 ноября 2019. www.znak.com.

11. О недостаточном финансировании этих усилий см. *Половинко В., Хачатуров А., Козлова Д.* Протоколы «суверенного рунета» // Новая газета. 1 ноября 2019. <https://novayagazeta.ru>.

12. Проницательный анализ этой темы приводится в: *Galeotti M.* Footprints of the Russian Military Intelligence Agency GRU Are Everywhere // Raamop Rusland. 20 июля 2018. www.raamoprusland.nl.

американскими агентствами¹³. Второе также остаётся безрезультатным из-за сохраняющейся зависимости от старых инструментов, в первую очередь телевидения, а также в силу неспособности контролировать и цензурировать быстро развивающиеся социальные сети. К тому же, обусловленное этими ограничениями развитие кибернетического направления в российской стратегической культуре ослабляется стойким невежеством на высшем командном уровне и искажается бюрократической раздробленностью, которая изолирует экспертные центры друг от друга. Негативное влияние на это развитие оказали ряд провалов и скандалов, приведших к прямым санкциям, а также недофинансирование, вызванное тягой руководства к цифровизации по дешёвой цене.

Неслучившийся поворот к Китаю

Влияние Китая на трансформацию российской стратегической культуры неоднозначно и противоречиво. Постепенная модернизация стратегического партнёрства с Китаем официально представлена как ключевое направление российской политики безопасности, подкреплённое личной дружбой между Владимиром Путиным и Си Цзиньпином. Заявленный «поворот» к Китаю подразумевает быстрое расширение экономических связей, ускорение развития Дальнего Востока и модернизацию военного протоальянса. Однако немногое из вышеперечисленного происходит в реальности¹⁴. Российский Дальний Восток получает скудные прибыли от трансграничных обменов и продолжает терять население. Если экономические связи, в особенности экспорт нефти и газа, играют определённую роль в вызывании сдвигов в стратегической культуре, то наибольшее значение имеет взаимодействие в сфере безопасности.

Главным аргументом России в этом взаимодействии выступает её ядерный арсенал, в то время как Китай обладает огромным преимуществом в кибернетической сфере. Эта асимметрия углубляется различиями в политике двух стран по использованию своих сильных сторон и компенсации слабых. Китай, обеспокоенный поведением России в ядерной сфере, полностью полагается только на

13. *Taddeo M.* How to Deter in Cyber-Space // Strategic Analysis. The European CoE for Countering Hybrid Threats. Helsinki. Июнь-июль 2018. www.hybridcoe.fi.

14. Мейнстримные российские аналитики с некоторыми пор предупреждают о склонности Китая игнорировать интересы России и о возможности проведения Пекином более жёсткой политики в отношении Москвы. См. *Караганов С.* Куда идти и с кем идти // Российская газета. 26 декабря 2019. <https://rg.ru>.

собственные технологии для модернизации своих систем вооружения и отказывается присоединяться к каким-либо новым рамкам контроля над вооружениями¹⁵. Способность Китая контролировать интернет оказывает сильное впечатление на Россию, но ей не удаётся добиться подобных результатов у себя. В то же время озабоченность Запада российскими киберугрозами выгодна Пекину, поскольку на их фоне его собственное поведение выглядит взвешенным и ответственным.

Российско-китайское сотрудничество в области безопасности тяготеет к символам – таким как совместные военно-морские учения или воздушное патрулирование – но ему не хватает реального содержания. Заявление Путина о том, что Россия поможет Китаю построить его систему стратегического раннего предупреждения также, в первую очередь, является пиар-ходом¹⁶. Самая актуальная проблема безопасности в Восточной Азии касается северокорейских ядерных и ракетных программ. Китай предпочитает продолжать сложное маневрирование, связывающее эту проблему с трудностями в его торговых отношениях с США в двустороннем формате, и не видит необходимости в том, чтобы вовлекать в это Россию. В поисках путей восстановления системы контроля над вооружениями Москва полагает, что главной целью Вашингтона является присоединение к этой системе Китая, но не может найти способ убедить Китай в этой необходимости¹⁷. Президент Путин попытался получить большую свободу действий в регионе, вступив в переговоры с премьер-министром Японии Синдзо Абэ, но не смог предложить существенного компромисса в давно зашедшем в тупик споре по поводу Южных Курильских островов.

Эти острова являются единственной зоной обширного Восточного военного округа, где наблюдается значительное укрепление военных гарнизонов, в то время как общий упадок военной инфраструктуры сохраняется повсеместно, за некоторым редким исключением, таким как база стратегических подводных лодок в Вилючинске на Камчатке. В то время как Тихоокеанский флот вынужден демонстрировать свою мощь в беспокойных водах региона, его боевые возможности

15. Недостаток в России знаний об этой модернизации отражён в: *Крамник И.* К новому договору о СНВ США и России придётся идти вдвоём // Независимая газета. 22 декабря 2019. www.ng.ru.

16. Компетентное мнение российских экспертов приводится в: *Кашин В.* Как сотрудничество России и Китая в создании СПРН повлияет на стратегический баланс в мире // Профиль. 15 октября 2019. <https://profile.ru>.

17. *Мухин В.* Ядерный потенциал Китая угрожает не только США, но и России // Независимая газета. 16 июля 2019. <http://www.ng.ru>.

снижаются, особенно после отмены плана по его снабжению десантными кораблями-амфибиями класса «Мистраль». Россия фактически смирилась со слабостью своего военного потенциала на Дальнем Востоке, продолжая при этом демонстрировать там свою военно-воздушную и военно-морскую мощь¹⁸.

В российской стратегической культуре эта слабость воспринимается как негативное последствие необходимости концентрации основной массы ресурсов и внимания на основном западном направлении¹⁹. Подобный разрыв между политическим вниманием, уделяемым динамике Азиатско-Тихоокеанского региона, и игнорированием потребностей в военной сфере на Дальнем Востоке – единственный способ избежать серьёзного перерасхода доступных ресурсов. Российское высшее командование мало доверяет стратегическому партнёрству с Китаем и не верит в то, что политическая «дружба» может компенсировать военную слабость. Оно полагает, что Китай не окажет помощи России в её противостоянии с США, но что Москва может быть вынуждена встать на сторону Пекина, если борьба между США и Китаем за мировое господство перерастёт в серию прямых столкновений. Эти опасения усугубляются слабым пониманием в российском высшем командовании целей и направлений стремительной китайской военной реформы.

Культура коррупции

Феномен российской коррупции печально известен в международных СМИ, а её «экспорт» признан настоящим вызовом безопасности Европы и мощным инструментом в политике России, направленной на подрыв сплочённости ЕС. Он привлекает большое внимание исследователей (помимо растущего числа расследований), но для данного анализа он особенно интересен своим растущим влиянием не только на политическую и деловую, но и на стратегическую культуру²⁰. Массовый приток нефтяных доходов придал российской коррупции новое качество, выводящее её за рамки обычного взяточничества и хищений, и делающее её составным элементом путинской системы управления. В этом Россия разительно отличается

18. Трезвый анализ этой ситуации представлен в: *Храмчихин А.* Дальний и беззащитный восток // Независимое военное обозрение. 30 ноября 2018. <http://nvo.ng.ru>.

19. С более подробным анализом этой концентрации автором можно ознакомиться в: *Баев P.* The Military Dimension of Russia's Connection with Europe // European Security. Зима 2018. Сс. 82-97.

20. Вопросы коррупции рассматриваются, к примеру, в: *Cohen R., Radin A.* Russia's Hostile Measures in Europe: Understanding the Threat // RAND Report RR-1793-A. 2019. www.rand.org.

от Китая, в котором коррупция, несомненно, существует, но где президент Си Цзиньпин проводит жёсткую антикоррупционную кампанию, позволяющую ему провести чистку нелояльных кланов элиты, включая высшее военное командование, и укрепить собственное лидерство²¹. В России антикоррупционные расследования нацелены, прежде всего, против чрезмерно алчных чиновников среднего звена, в то время как накопление богатства членами путинской высшей элиты, включая, среди прочих, министра обороны Сергея Шойгу, рассматривается как средство обеспечения их лояльности²².

Расцвет коррупции среди главных «хранителей» стратегической культуры вызывает склонность к продвижению грандиозных стратегических мегапроектов (как, например, Керченский мост, стоимость которого была сильно завышена) и усугубляет несоответствие между раздутыми амбициями и испытываемыми недостатком средств возможностями²³. Коррупция связывает между собой различные характеристики стратегической культуры, обеспечивая совместимость между менталитетами бюрократов и «воинов», но одновременно придаёт соперничеству за сжимающийся «пирог» ресурсов неистово личный характер. Яростные междоусобные войны внутри всемогущей Федеральной службы безопасности (ФСБ), пользующейся привилегированным доступом ко многим финансовым потокам, привели к нескольким громким расследованиям, и Путин оказался не в силах выполнить свою привычную роль арбитра в этих неприглядных разоблачениях²⁴.

По уровню коррупции военное ведомство ни в чём не уступает ФСБ или Росгвардии, претендующей на всё большую долю ресурсов, а «расточительное потребление» высшего руководства вызывает нарастающую напряжённость в армии. Массированное нецелевое использование бюджетных средств приводит к необходимости более интенсивной эксплуатации имеющихся, зачастую истощённых активов, в то время как просьбы о повышении жалования по

21. О недавних перипетиях этой кампании см. *Taplin N.* China's Corruption Paradox // Wall Street Journal. 1 ноября 2019. www.wsj.com.

22. Алексей Навальный, лидер борьбы с коррупцией в России, ещё в 2015 году опубликовал расследование о стиле жизни Шойгу. См. Пагоды на Рублёвке. 27 октября 2015. <https://navalny.com>. Некоторые более свежие подробности представлены в: *Ежов С.* Стюардесса специального назначения // The Insider. 31 июля 2019. <https://theins.ru>.

23. О расходах на Керченский мост см. *Lourie R.* Putin's Bridge Over Troubled Waters // Globe and Mail. 26 октября 2018. <https://www.theglobeandmail.com>.

24. О роли Путина см. *Galeotti M.* The West Thinks Putin Is Russia's Spymaster. But Are the Spies Controlling Him? // The Guardian. 20 июня 2019. www.theguardian.com.

обыкновенно отклоняются²⁵. Таким образом, коррупция порождает культуру перегрузки, которая неизбежно влечёт за собой рост числа технических аварий и человеческих ошибок. Одной из сфер, где коррупция приводит к особенно пагубным последствиям, является космическая программа: глава «Роскосмоса» Дмитрий Рогозин склонен к грандиозным обещаниям, но при этом частота аварий взлетела до космических высот²⁶. Примечательно, что Минобороны пытается воспользоваться провалами «Роскосмоса», чтобы отобрать у него контроль над космодромом «Восточный»²⁷.

Коррупция становится одним из главных пороков российской стратегической культуры, делая её неспособной решить проблему сокращения бюджетных ассигнований при сохранении хищнических appetitov.

25. Об отклонённых требованиях о выплате бонусов за участие в сирийской операции см. *Жилин И.* Денег нет, но вы сражайтесь // Новая газета. 24 апреля 2019. <https://novayagazeta.ru>.

26. Критика этой ситуации приводится в: *Борисов А.* Не прощай их, Юра. Как «Роскосмос» уничтожает российскую космонавтику // Lenta.ru. 14 марта 2019. <https://lenta.ru>.

27. См. *Сафронов И.* Земная проблема космодрома «Восточный» // Ведомости. 11 ноября 2019. <https://www.vedomosti.ru>.

Военные хранители стратегической культуры становятся её реформаторами

Военный истеблишмент, как правило, является одной из наиболее консервативных составляющих национальной элиты, поэтому высшее командование обычно претендует на роль хранителя стратегической культуры. По мере того как путинский режим превращается в автократию, озабоченную проблемой собственного выживания, его идеологические взгляды становятся более консервативными и враждебными по отношению к либерализму и модернизации. Военные, которым приходится прилагать множество различных усилий для проецирования силы, по необходимости становятся более открытыми к усвоению нового опыта и, следовательно, менее консервативными, хотя и не менее антилиберальными. Они вносят новые характеристики и представления в российскую стратегическую культуру и берут на себя непростую роль её реформаторов.

Необычайное единство высшего командования

Теоретически, сплочённость и дисциплина командной иерархии должны быть ключевыми характеристиками военных организаций. Однако в постсоветской реальности российских вооружённых сил вплоть до начала 2010-х годов этого определённо не происходило. Разделение полномочий между Министерством обороны и Генеральным штабом приводило к постоянным ссорам, что обостряло напряжённость между различными службами и родами войск, а также разногласия в отношениях с военно-промышленным комплексом. Стоит признать заслугу Сергея Шойгу, назначенного на должность министра обороны в ноябре 2012 года, в радикальном снижении этих разногласий²⁸. Не имея военного опыта и не

28. О биографии и профиле Шойгу см. *Golts A. Military Reform and Militarism in Russia.* Washington DC. Jamestown Foundation. 2018. Сс. 179-186.

принадлежа к «ближайшему окружению» Путина, он смог завоевать доверие профессионального высшего командования и уважение со стороны рядового состава. Он стал вторым по влиятельности политиком в России, сохранив определённую степень независимости при «дворе» Путина.

Придавая большое значение личной лояльности, Шойгу с самого начала сделал ставку на продвижение на высшие уровни военной иерархии офицеров, имеющих реальный боевой опыт и движимых целью создания боеспособных сил. Их коллективный вклад сделал стратегическую культуру более проактивной и чувствительной к новым характеристикам современных войн и средствам проекции силы. Шойгу никогда не претендовал на роль теоретика или стратегического мыслителя, оставив работу по концептуализации развивающегося характера применения военной силы Генеральному штабу, имя начальника которого, Валерия Герасимова, безоговорочно ассоциируется с многообразным вкладом в военную доктрину²⁹. Будучи наиболее опытным долгожителем на российской политической арене, на которой он появился в 1991 году, Шойгу не только сам культивировал личные связи с Путиным, но и смог внушить высшему командованию необходимость демонстрации полной лояльности Верховному Главнокомандующему. Эта лояльность необязательно включает в себя готовность к подавлению внутренних беспорядков, поэтому высшее командование неохотно поддержало в 2016 году создание Национальной гвардии (Росгвардии) путём слияния внутренних войск со спецподразделениями полиции. Этот новый субъект силовой бюрократии продолжает наращивать мощь и претендует на возрастающую долю ресурсов. Он вносит особенный вклад в стратегическую культуру, которая всё более ориентируется на обеспечение выживания правящего режима и подавление оппозиции³⁰. Герасимов понимает необходимость соответствующей корректировки военного мышления и выдвигает тезис о том, что американская стратегия противостояния России (которую он называет «Троянским конём») сочетает в себе возможности нанесения высокоточных ударов и меры, направленные на подрыв

29. Интересное признание на эту тему делает автор следующей статьи: *Galeotti M.* I Am Sorry for Creating the «Gerasimov Doctrine» // *Foreign Policy*. 5 марта 2018. <https://foreignpolicy.com>.

30. О недовольстве военных перераспределением бюджета в пользу Росгвардии говорится в: *Кисляков М., Панченко Л.* Генерал Шаманов раскритиковал проект военного бюджета // *Московский комсомолец*. 10 октября 2019. <https://www.mk.ru>.

общественного порядка. Таким образом, армия берёт на себя задачу по нейтрализации первых, а Росгвардия – вторых³¹.

Ключевую роль в ужесточающейся борьбе за влияние играют многочисленные связи с отраслями промышленности, производящими вооружение и технику, даже если военно-промышленный комплекс находится сейчас в гораздо худшем состоянии, чем в советские времена. Шойгу удалось выстроить хорошие отношения с руководителями оборонно-промышленного комплекса, а значительное увеличение финансирования закупок в середине 2010-х годов помогло преодолеть старые разногласия. Сокращение финансирования, предусмотренное Государственной программой вооружений до 2027 года, привело к задержкам и сворачиванию многих программ. Например, армия резко сократила заказы на широко разрекламированный базовый боевой танк Т-14 «Армата³²». Тем не менее, высшее командование поддерживает весьма тёплые отношения с такими ключевыми фигурами бизнеса, как Сергей Чемезов, который неуклонно продолжает расширять контроль корпорации «Ростех» над различными предприятиями оборонного сектора³³. Подобное взаимодействие обеспечивает сильный акцент на трансформации технических новшеств в военные преимущества и извлечении политических выгод из достигнутой сильной позиции в обновлённой стратегической культуре.

Провал украинской операции

Затяжной жёсткий конфликт с Украиной оказал глубочайшее влияние на трансформацию российской стратегической культуры, подтолкнув её в нескольких плохо совместимых друг с другом направлениях и усугубив её непоследовательность. Решительное отрицание Кремлём очевидного факта агрессии превратилось из удобного политического камуфляжа в препятствие для стратегического анализа этого конфликта. Дискурс о «братских» отношениях между народами России и Украины отражает глубоко укоренившиеся в российском обществе представления, но вступает в резкое противоречие с ожесточённой пропагандистской кампанией, направленной против украинской революции и реформ. Заверения в

31. Экспертную оценку этого тезиса см. в: *McDermott R. Gerasimov Unveils Russia's Strategy of Limited Actions* // Eurasia Daily Monitor. 6 марта 2019. <https://jamestown.org>.

32. *Howard B. Russia's Futuristic T-14 Tank Was Designed to Defeat Western Armies, but They Are Too Expensive for Russia* // Business Insider. 31 июля 2018. www.businessinsider.com.

33. Заслуживающее интереса исследование работы этой корпорации приводится в: *Luzin P. The Inner Workings of Rostec, Russia's Military-Industrial Behemoth* // The Russia File. Kennan Institute. 1 апреля 2019. www.wilsoncenter.org.

готовности к нормализации отношений несовместимы с устойчивой поддержкой сепаратистов на Донбассе. Идея о включении Украины в Евразийский экономический союз противоречит дорогостоящим усилиям по строительству двух обходных газопроводов, которые позволят прекратить транзита через её территорию. Презрительная критика политических процессов на Украине не может скрыть опасения Кремля по поводу их возможного губительного влияния на стабильность путинской системы в России³⁴.

Эти противоречия добавляют геополитическую путаницу в дилемму втягивания Украины обратно в «сферу влияния» России или отгораживания от неё как от неизбежно нестабильной «чёрной дыры». В стратегических терминах эта путаница выражается в отсутствии ясности относительно позиции Украины в противостоянии России с Западом. Она воспринимается и как союзник НАТО в более широком контексте, и как изолированная зона вооружённого конфликта, в котором Россия имеет явное военное превосходство. Российский Генштаб должен планировать и готовиться к масштабным операциям на Восточной Украине, но не может при этом задействовать необходимые для этой подготовки ресурсы, поскольку политические директивы отрицают любые подобные планы³⁵. Боевые действия зашли в тупик по причине неготовности обеих сторон выполнять минские соглашения, за исключением соблюдения временного прекращения огня³⁶. Фактическая оккупация части Донецкой и Луганской областей усугубляет бремя этого конфликта и не представляет какой-либо политической выгоды для России.

В этом застывшем конфликте время играет не в пользу России, поскольку оно позволяет Украине продвинуться в проведении политических реформ и наращивании военного потенциала, а НАТО - подготовиться к возможным эскалациям на черноморском театре и распространению боевых действий за пределы едва стабилизировавшейся зоны Донбасса. Российская стратегическая культура развивается в направлении создания и поддержки в «серых зонах» нетрадиционных вооружённых конфликтов, но она неспособна

34. Содержательный анализ этих несовместимых целей приводится в: *Pavlovsky G. Russia and Ukraine: A Lethal Co-Dependency // Commentary. Carnegie Moscow Center. 14 февраля 2019. <https://carnegie.ru>.*

35. С более подробной оценкой этой позиции можно ознакомиться в: *Baev P. New Perspectives on the Black Sea Theater in Russian Strategic Culture // Security Insights. George S. Marshall European Center for Security Studies. Сентябрь 2019.*

36. О скромных результатах Парижского саммита в «нормандском формате» см. *Oliker O. Could Peace in Eastern Ukraine Finally Be at Hand // The Guardian. 12 декабря. www.theguardian.com.*

сформулировать чёткие ориентиры для достижения убедительной победы в этих бессрочных боевых действиях.

Влияние сирийской кампании

Военная интервенция в Сирию уникальна в истории проецирования силы Россией не только по причине географического охвата операции, но и в силу её довольно неординарного характера. Наиболее очевидным отличием её от других «малых войн» является активное применение военно-воздушных сил, что идёт вразрез с общепринятым в российской стратегии тезисом, согласно которому только массированное развёртывание сухопутных войск может обеспечить успех любой операции, направленной на установление контроля над враждебной территорией. Подтверждением этой укоренившейся идеи стала война с Грузией в августе 2008 года, да и вторжение на Восточную Украину летом-осенью 2014 года было осуществлено без какой-либо авиационной поддержки. Однако продолжительные и результативные бомбардировки, дополненные отдельными ударами крылатых ракет дальнего радиуса действия, запускаемых с военно-морских и военно-воздушных платформ, подтвердили новую реальность сегодняшней способности России к воспроизведению американской схемы проецирования силы на дальнейшее расстояние и с минимальными потерями³⁷. Эта реальность представляет собой существенную модификацию стратегической культуры в сторону большего акцента на современную воздушную мощь и инновационные технологии. В отличие от строго засекреченного опыта украинского конфликта, уроки сирийской интервенции (которая, фактически, может быть единственной в своём роде операцией) включены в различные теоретические обобщения и практические инструкции и, таким образом, оказывают диспропорциональное влияние на развитие профессиональной военной культуры³⁸. Большинство старших офицеров воздушно-космических сил и армии приобрели опыт краткосрочной ротации на сирийском театре, и демонстрация ими пользы подобной боевой подготовки всячески поощряется высшим командованием.

Ещё одной необычной характеристикой сирийской интервенции является задействование частных военных контрактников,

37. Это заключение содержится в: *Цыганок А.* Война расставляет все точки над *i* // Независимое военное обозрение. 19 июля 2019. <http://nvo.ng.ru>.

38. Вдумчивая оценка этого воздействия приводится в: *Адамский Д.* Сирийская кампания Москвы: уроки стратегического и оперативного искусства // *Russie.Nei.Visions*. № 109. Ifri. Июль 2018. www.ifri.org.

организованных эффективнее, чем группы добровольцев в донбасской военной зоне. Москва приложила немало усилий для укрепления армии Асада, но обнаружила, что недавно созданные 4-й и 5-й штурмовые армейские корпуса плохо справляются с наступательными операциями. Соперничество с Ираном при вербовке и тренировке местных вооружённых сил также создало трудности для российского командования³⁹. Эта неустранимая слабость на местах подтолкнула к эксперименту по организации и развёртыванию для выполнения боевых задач групп наёмников, получивших любопытное прозвище «группа Вагнера⁴⁰». Опыт контроля за этими группировками оказался довольно неоднозначным, а сокрушительное поражение при попытке атаки позиций США к востоку от Дейр-эз-Зора в феврале 2018 года продемонстрировало рискованность их инициатив и преимущества политики отрицания. Возможно, что российское командование с большей сдержанностью относится к идее использования маргинальных «вагнеров», чем политическое руководство и другие стороны, заинтересованные во внешнеполитических авантюрах в таких экзотических местах как Центральноафриканская республика или Мозамбик, поэтому эта новая черта стратегической культуры остаётся неоднозначной, а сдержанность военного командования может усилиться в связи с недавними проблемами, возникшими при осуществлении ограниченной и непризнанной интервенции в Ливии.

Новой для высшего командования в Сирии стала техническая возможность эффективного управления тактическими ситуациями на отдалённых театрах из московского штаба (Национальный центр управления обороной⁴¹). Эта относительно развитая система командования и контроля усиливает тенденцию к строгой централизации и отказу от инициативы, типичную для российской стратегической культуры. Её модернизация проводится по схеме «сверху-вниз» с мощной пропагандистской раскруткой, обеспечиваемой недавно созданным Главным военно-политическим управлением во главе с генералом Андреем Картаполовым, бывшим командующим группировкой сил в Сирии.

39. Интересное размышление на эту тему см. в: *Хлебников А.* Развитие сирийских вооружённых сил: основные тенденции и проблемы // Российский совет по международным делам. 6 декабря 2018. <https://russiancouncil.ru>.

40. *Marten K.* Russia's Use of Semi-State Security Forces: The Case of the Wagner Group // *Post-Soviet Affairs*. Март 2019. Сс. 181-204.

41. Этот элемент отмечен в: *Ripley T.* Russia Learns Military Lessons in Syria // *Jane's Intelligence Review*. 2017. <https://www.janes.com>.

Особый случай военно-морского флота

Военно-морской флот (ВМФ) всегда представлял собой особый элемент в организации российских вооружённых сил, со своим собственным профессиональным духом, командной структурой и связями с отдельной (судостроительной) частью оборонно-промышленного комплекса. Адмиралы настойчиво стремились внести особый вклад в российскую стратегическую культуру, придерживаясь идеи о том, что Россия может отстоять своё притязание на статус «великой державы» только путём создания мощного океанского военно-морского флота. Принцип создания «второго в мире по боеспособности военно-морского флота» теперь закреплён в официальной доктрине, но его реализация не представляется возможной⁴². Принимая военно-морской парад в июле 2019 года, президент Путин пообещал построить флот с «уникальными возможностями», но разрыв между этим грандиозным замыслом и реальностью перегруженных и сокращающихся военно-морских эскадрилий, пожалуй, наиболее сильно выделяется на фоне общей ситуации в российских вооружённых силах⁴³.

Поборники военно-морской мощи выдвигают всевозможные аргументы в пользу инвестиций в кораблестроение, начиная от упоминаний об уникальной ценности крупных надводных кораблей как средств «демонстрации флага» и заканчивая предостережениями относительно растущего в Китае интереса к укреплению своего военно-морского потенциала. Российский ВМФ действительно испытывает острый недостаток способности проведения десантных операций и оказался серьёзно перегруженным задачами по поддержке сирийской интервенции⁴⁴. Необходимость демонстрации присутствия в беспокойных водах Восточной Азии оказывает сильное давление на запущенный и ослабленный Тихоокеанский флот, в то время как новые задачи на арктическом театре требуют увеличения числа ледостойких кораблей на Северном флоте. Несмотря на остроту этих проблем и даже принимая во внимание массивное финансирование, направляемое на строительство атомных подводных

42. Разумный анализ этой доктрины приводится в: *Connolly R. Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Naval Activities for the Period Until 2030 // Document Review. NATO Defense College. 22 января 2019. www.ndc.nato.int.*

43. *Гольц А. Парадная сторона службы на виду, но может ли Россия гордиться состоянием ВМФ // Открытые медиа. 30 июля 2019. <https://openmedia.io>.*

44. Более подробный анализ этой перегрузки автором см. в: *Baev P. La stratégie maritime de la Russie [Морская стратегия России]. Ramses 2020. Paris: Dunod. Сс. 72-77.*

лодок, ВМФ России оказался аутсайдером Государственной программы вооружения до 2027 года⁴⁵. Подобный исход борьбы между десятками лоббистских групп является следствием постоянного пренебрежения военно-морской мощью в российской стратегической культуре и усиливает его.

Удовольствия, испытываемое Путиным при подводном погружении на борту красивого аппарата или при принятии военно-морского парада, не достаточно для того, чтобы изменить представления и мнения большинства ответственных за принятие решения элит о чрезмерных затратах и ограниченных выгодах при определении приоритетов в планах по укреплению ВМФ. Проекты строительства атомного авианосца или, по крайней мере, серии вертолётоносцев (сравнимых с десантными кораблями класса «Мистраль») откладываются на неопределённый срок, и даже арктические проекты, такие как строительство атомного ледокола «Арктика» (первого в серии из трёх кораблей), продвигаются с большими задержками. Вместо того, чтобы идти в ногу с растущими амбициями, модернизаторы стратегической культуры (в первую очередь, в Генеральном штабе), предусматривают сокращение ВМФ до эскадрилий более мелких платформ, остающихся способными принимать высокотехнологичные системы вооружения, в том числе, гиперзвуковые ракеты.

45. Критический анализ этой проблемы российским экспертом см. в: *Luzin P. A Fragmented Fleet // Riddle. 13 августа 2019. www.ridl.io.*

Заключение

Российская стратегическая культура развивается на удивление стремительно, несмотря на относительное постоянство лиц, входящих как в высшее командование, так и в «ближайшее окружение» Путина, и получающих всё более значимые роли в формировании характеристик этой смеси расплывчатых представлений, эзотерических норм и негласных правил. По мере того, как правящий режим превращается во всё более ригидную автократию, его идеологическое мировоззрение становится более консервативным, что мешает модернизации стратегической культуры. Тем не менее, эта ситуация преодолевается необходимостью усвоения нового опыта и подготовки к новым вызовам. Высшее командование непосредственно испытывает эту необходимость и, поэтому, берёт на себя инициативу по обновлению и модернизации стратегической культуры.

Вклад Генерального штаба и других структур военного командования, в которое теперь входят многие офицеры, получившие непосредственный опыт участия в различных вооружённых конфликтах и боевых операциях, в частности, в сирийской кампании, оказался более продуктивным в таких новых областях, как кибероперации, чем в более чувствительных с политической точки зрения вопросах, касающихся, например, угрозы революций. В первом случае военное руководство, по-видимому, решило, что высокий риск провала и разоблачения с лихвой компенсируется утверждением превосходства в кибернетической сфере – не над противником, а над другими службами (в частности, ФСБ и Службой внешней разведки, СВР). Во втором случае попытки Генштаба определить «цветные революции» как новую форму войны были довольно сдержанными (возможно, преднамеренно), не в последнюю очередь по причине нежелания иметь дело с угрозой внутренних беспорядков, ставшей главной задачей недавно созданной Национальной гвардии. В изменениях стратегической культуры, инициируемых военными, главный акцент делается на быстрое внедрение современных технологий – от гиперзвуковых ракет до электронных средств нарушения коммуникаций – в средства и методы проецирования силы, что, как ожидается, даст России преимущество инициативы в развивающейся конфронтации с Западом.

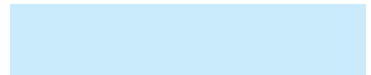
Трудность трансформации стратегической культуры по инициативе военной элиты заключается в явно обозначенной и чётко сформулированной необходимости увеличения объёма ресурсов, выделяемых на развитие вооружённых сил. Это настоятельное требование выходит за рамки традиционного запроса о большем объёме финансирования, чем может быть выделено из государственного бюджета. В ситуации затяжной экономической стагнации оно создаёт особенно высокий уровень противоречия между стремлением противостоять Западу и даже одержать победу в этом противостоянии, и реальностью сокращения выделяемых ресурсов, усугубляющегося безудержной коррупцией. На острый политический вызов со стороны Украины, новое руководство которой нацелено на структурные реформы, Россия не может ответить стабильностью собственного развития, которая фактически исчезает, о чём свидетельствуют перестановки в правительстве и пересмотр конституции, инициированные президентом Путиным в январе 2020 года. Рост политической неопределённости вызывает колебания во внешней политике от осторожного выжидания до проактивных силовых шагов, сочетающих применение военных и «гибридных» средств. Таким образом, российская стратегическая культура становится более изменчивой и менее просчитанной. Одним из наиболее впечатляющих изменений этой культуры становится рост восприятия ядерного оружия в качестве полезного и эффективного инструмента политики, что нарушает традиционные параметры сдерживания. Намерение укрепить основной источник силы России оправдывает массированные инвестиции в модернизацию ядерного арсенала, а наличие новых систем вооружения усиливает желание получить дивиденды от этих усилий.

Последние публикации

Russie.Nei.Visions

- ▶ [Ларюэль М., «Успехи и слабости политики России в Арктике»](#), Russie.Nei.Visions, № 117, март 2020.
- ▶ [Захаров А., «Друзья познаются в беде: Куда идёт российско-индийское стратегическое партнерство?»](#), Russie.Nei.Visions, № 116, октябрь 2019.
- ▶ [Баев П., «Ядерная модернизация России и "чудо-ракеты" Владимира Путина: мифы и реальность»](#), Russie.Nei.Visions, № 115, август 2019.
- ▶ [Калика А., «Активизация политики России в Африке и её ограничения»](#), Russie.Nei.Visions, № 114, апрель 2019.
- ▶ [Ларюэль М., «Неформальные военизированные группы в России и их использование в стране и за рубежом»](#), Russie.Nei.Visions, № 113, апрель 2019.
- ▶ [Роллан Н., «Влияние Китая в странах Восточной Европы и Южного Кавказа»](#), Russie.Nei.Visions, № 112, декабрь 2018.
- ▶ [Кунц Б., «Северная Европа перед российским стратегическим вызовом: политические и военные ответы»](#), Russie.Nei.Visions, № 111, октябрь 2018.
- ▶ [Варланыч Э., «Молдова между Россией и Западом: внутренний раскол за ширмой европейской интеграции»](#), Russie.Nei.Visions, № 110, август 2018.
- ▶ [Адамский А., «Сирийская кампания Москвы: уроки стратегического и оперативного искусства»](#), Russie.Nei.Visions, № 109, июль 2018.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: souin@ifri.org.



Institut français
des relations
internationales